

Похоже, разные: о развитии внешне схожей референциальной модели в русском, латышском и ижорском языках¹

Е. В. Буденная (Институт языкознания РАН)

В современном русском, латышском и ижорском языках имеется схожая модель маркирования редуцированной субъектной референции: в большинстве случаев используется двойное маркирование с помощью личных местоимений и глагольных аффиксов, однако при этом местоимения могут и опускаться (рус. **(я)** *хочу домой* ~ лат. **(es)** *gribu mājās* ~ иж. **(miä)** *tahon kottii*). Среди языков мира подобная местоименно-аффиксальная модель является очень редкой: в основном ведущим способом маркирования субъектной референции являются либо только глагольные аффиксы (61% языков, согласно данным [WALS]), либо личные местоимения (14% языков в выборке [WALS]). Модель же с двойным местоименно-аффиксальным маркированием присутствует, главным образом, в австронезийских, папуасских [Siewierska 2004: 268], чукотском языке [Luš, Spencer 2014: 142], с одной стороны, а также в восточнославянских, западно-германских, латышском [ibid] и некоторых прибалтийско-финских языках, с другой стороны. Ареальная близость последних языков и общая типологическая редкость их субъектной референциальной стратегии позволяет предположить ее общее происхождение [Kibrik 2013: 243].

На данный момент известно, что для русского и, по всей вероятности, латышского и ижорского языков современная местоименно-аффиксальная стратегия не является исконной. Так, в древнерусском языке, по сравнению с современным русским, субъектная референция маркировалась преимущественно только глагольными аффиксами, а не сочетанием местоимения и аффикса: *чему **Ø_{pro}** не восолеши* (берестяная грамота № 644, XII в.) ~ *почему **ты** не присылаешь* (современный перевод [Зализняк 2004: 267]). Во всех письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языках основной также является аффиксальная стратегия, что позволяет реконструировать ее для и для праиндоевропейского языка [Walkden 2014: 230]. С учетом этого местоименно-аффиксальная модель в современном латышском языке также представляется результатом диахронической эволюции. Наличие аффиксальной стратегии в подавляющем большинстве современных финно-угорских и самодийских языков (см. обзор [Kibrik 2013: 245]) позволяет сделать аналогичные выводы в отношении современного ижорского языка.

Исходя из этого, в нашей работе была поставлена задача максимально проследить истоки диахронической референциальной перестройки в русском, латышском и ижорском языках, с целью ответа на вопрос: является ли современная местоименно-аффиксальная модель в трех исследуемых языках результатом некоторого единого процесса или же речь идет об изначально разных явлениях. В качестве возможных причин эволюции допускались внутренние (прежде всего, теория [Müller 2005], называющая причиной экспансии местоимений системную утрату личной глагольной флексии хотя бы в некоторых лицах²)

Для этого для всех трех языков был осуществлен диахронический статистический анализ имеющихся памятников: тексты XII-XX вв. для русского языка (253 памятника, ок. 3000 релевантных клауз, полный список см. [Буденная 2017]); светские

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00460 «Грамматика на перекрестке дискурсивных и семантических факторов (опыт когнитивного моделирования)».

² Эта теория нашла подтверждение в диахронических данных немецкого и английского [van Gelderen 2011], а также русского языков (см. ниже).

произведения XVII-XVIII вв. из корпуса *SENIE*³ и параллельного русско-латышского корпуса текстов XIX-XX вв.⁴ (1050 релевантных клауз) для латышского языка; сказка «Золотая птица» из грамматики [Porkka 1885]⁵, и две полевые записи, сделанные Ф. Б. Рожанским и Е. Б. Маркус в 2011 г., для ижорского языка (271 релевантная клауза). По итогам анализа было выяснено, что:

- 1) Экспансия местоимений в истории русского языка была напрямую связана с утратой личных глагольных связок в именных клаузах (*князь есмь* > *я князь*); это явление коренным образом отличает восточнославянские языки от западнославянских, сохранивших архаичную аффиксальную стратегию.
- 2) Для латышского языка имеющиеся данные XVIII в. уже отразили современное состояние (статистически значимой разницы критерием χ -квадрат не было обнаружено). Никаких тенденций к падению связок, аналогичному русскому, в имеющихся латышских памятниках найдено не было. Тем не менее в грамматике [Adolphi 1685: 81], написанной до появления крупных текстов на хорошем латышском языке, обнаружились следы системной утраты глагольной флексии в сослагательном наклонении: *redzētu-m* > (*mes*) *redzētu-ø* ‘мы бы видели’; *jus redzētu-t* > (*jus*) *redzētu-ø* ‘вы бы видели’. Данный факт вписывается в теорию [Müller 2005] как возможная причина дальнейшей референциальной перестройки и, кроме того, косвенно подтверждается данными соседнего литовского языка, где в сослагательном наклонении сохранились архаичные личные аффиксы и никакой экспансии местоимений не произошло.
- 3) Для ижорского языка никакой системной утраты флексии в диахронической перспективе обнаружено не было. Тем не менее в текстах XX в. по сравнению с XIX в. была выявлена значимая экспансия местоимений в претеритных клаузах с субъектом 3-го лица. С учетом интенсивных контактов ижорцев с соседним русскоязычным населением, массово усилившихся в XX в., в качестве наиболее вероятного сценария для референциальной перестройки в ижорском языке реконструируется внешнее влияние.

Все эти данные свидетельствуют в пользу исконно различных процессов для каждого из исследуемых языков, получивших с течением времени схожее внешнее выражение.

Литература:

- Буденная Е. В. Экспансия местоимений в истории русского языка: именные клаузы. // Rhema. Рема. — Вып. 3. — М.: Издательство МПГУ, 2017.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. — М.: ЯСК, 2004.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. «Золотая птица» (публикация ижорской сказки, записанной в XIX веке) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — Т. VIII. — Ч. 1. — Спб.: Наука, 2012.
- Adolphi H. Erster Versuch einer kurtz-verfasseten Anleitung zur lettischen Sprache. — Mitau: Radetzky, 1685.
- Kibrik Andrej A. Peculiarities and origins of the Russian referential system. // Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska. / D. Bakker, M. Haspelmath M. (eds.) — Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.
- Luís A., Spencer A. Clitics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014
- Müller G. Pro-drop and Impoverishment. Ms. [Электронный ресурс] URL: <http://home.uni-leipzig.de/mueller/mu64.pdf>

³ www.korpuss.lv/SENIE, ок. 1 млн словоупотреблений.

⁴ <http://ruscorpora.ru/search-para-lv.html>, ок. 800 тыс. словоупотреблений

⁵ Перевод и глоссирование сказки было осуществлено в [Маркус, Рожанский 2014]

Porkka V. Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der ubrigen finnisch-ingermanlandischen Dialekte. — Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn, 1885.

Siewierska A. Person. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Walkden G. Syntactic Reconstruction and Proto-Germanic. — Oxford: Oxford University Press, 2014